

военно-политического союза, направленного против общей внешней угрозы, а также способствовало установлению и стабильному поддержанию связей России с народами Кавказа и Степного Предкавказья благодаря политическому влиянию в регионе и посредничеству Кабарды.

Заключительный раздел книги составляют приложения – тщательно отобранные и систематизированные публикации документов, со всей достоверностью воссоздающих неповторимый колорит и сложный контекст кабардино-русских отношений эпохи военно-политического сотрудничества. Неоспоримым достоинством книги является богатый иллюстративный ряд. Особенно сильное впечатление производят миниатюры Лицевого летописного свода, посвящённые русско-черкесским контактам второй половины XVI в. Они не только красочно иллюстрируют рассматриваемые в книге события, но и придают им особую образность и монументальность.

Подводя итог, хотелось бы ещё раз отметить, что работа К.Ф. Дзамихова «В службе и обороне...» обогащает отечественную историографию проблемы взаимоотношений Российского государства с Кабардой в XVI–XVIII вв. новыми фактами, свежими идеями, плодотворными концепциями адыгской истории и, безусловно, вызовет отклик в среде специалистов-кавказоведов, а целый ряд хорошо обоснованных концептуальных положений будет

включён в обобщающие труды по истории России и народов Северного Кавказа.

В современных условиях труд К.Ф. Дзамихова имеет не только академическое, но и общественное значение. Ведь само содержание российской истории имеет в качестве своей существенной стороны сложный процесс интеграции прежде самостоятельных исторических субъектов (народов, обществ, государств) в состав Российского государства и становление на этой основе единого многонационального российского общества и государства. Всякое обращение к прошлому актуализирует представления общественной группы о собственной самостоятельной роли в истории, а категории историко-политического дискурса включаются в интерпретации современных социальных проблем. Но профессиональный историк не просто обращается к прошлому. Он руководствуется убеждённой необходимостью достоверного представления о нём. Рецензируемая работа, как и все труды К.Ф. Дзамихова, даёт знание о прошлом, не сводимое к тому, что является актуальным в данный момент. Она вносит вклад в формирование социального запаса научно-обоснованных знаний, с которыми нельзя не считаться в любой ситуации, служащими рационализации общественного сознания и общественной практики в сложных условиях современного Северного Кавказа.

Максим Чепёлкин

Трудные судьбы «пограничья»*

*Maksim Chepelkin
(Moscow, Russia)*

Hard destiny of the «borderland»

Кавказ занимает особое место в русской истории. По своему географическому положению этот регион является ключом к коммуникациям между Европой, Передней и Средней Азией. Эти территории находились на стыке интересов и сфер влияния трёх держав – Турции, Персии и России, которые традиционно оказывали и сохранили до настоящего времени глубокое влияние на судьбы Причерноморья, Прикаспия и Ближнего Востока. Логика исторических событий привела к вхождению кавказских земель в состав

Российской империи, и многослойная, неоднозначная проблематика этого региона оказалась, а в отношении Северного Кавказа и поныне является важным фактором российской внутренней политики и государственного управления. Для национального самосознания и политической элиты государств Закавказья вопрос о том, как и почему эти территории вошли в границы России, также всегда был и остаётся одним из ключевых. От ответа на него зависит не только интерпретация

* Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан. Из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в. Изд. 2, расшир. и доп. М.: Кучково поле, 2016. 512 с.

прошлого, но и восприятие современной ситуации на Кавказе.

Об этом в научной литературе, а ещё больше в исторической публицистике, написано немало. Плодотворными и в то же время противоречивыми были последние десятилетия, когда исчезли существовавшие в советской историографии клише и запреты на изучение тем, связанных с обстоятельствами присоединения кавказских владений, но в то же время получили распространение поверхностные суждения и оценки «имперского периода», вызванные политической конъюнктурой, сопровождавшей становление независимых государств Закавказья после распада СССР. Поэтому создание обобщающих работ на основе накопленного богатейшего документального и историографического материала давно назрело.

Новая книга О.Р. Айрапетова, М.А. Волхонского и В.М. Муханова представляет собой очерк политической, дипломатической и военной истории вхождения Закавказья в состав России с начала XVIII до первой трети XIX в. Название «Дорога на Гюлистан» достаточно условно: русско-турецкие отношения, война 1806—1812 гг. и завершивший её Бухарестский мирный договор имели не меньшее значение для оформления российских границ в регионе, чем Гюлистанский мир с Персией в 1813 г. Все эти сюжеты рассматриваются в работе, равно как и попытки ревизии обоих договоров со стороны Тегерана и Стамбула, продолжавшиеся вплоть до войн 1826—1829 гг. Однако Гюлистан символичен в том отношении, что итоги русско-персидской войны 1804—1813 гг. поставили точку в присоединении Восточной Грузии и соседних территорий, что означало принципиально важный поворот в политике Петербурга от различных форм и методов влияния на закавказские народы к их прямому включению в российское подданство.

Концепция «пограничья» — независимых или полунезависимых территорий на Кавказе, долгое время служивших барьером между владениями России, Турции и Персии, является стержнем работы. В книге хорошо показано, что в отличие от Турции и Персии, для которых Закавказье являлось в первую очередь объектом грабительской экспансии в различных формах (от военных вторжений до взимания дани), Россия была прежде всего заинтересована в политической стабильности «пограничья», в том, чтобы устранить угрозу для безопасности южных рубежей империи и её торговых интересов.

Авторы убедительно обосновывают сбалансированное представление как о конкретных эпизодах, так и об общей линии действий России от Каспийского похода Петра I — во многом импровизированной акции, вынужденной реакции на риски, возникшие в результате временного

развала Персидской империи, — до проектов создания в Закавказье во второй половине XVIII в. пояса протекторатов, прикрывающих российские границы. Характерно, что присоединение Закавказья не рассматривалось в качестве цели российской политики. Вплоть до конца XVIII в. российские дипломаты и военные пытались стабилизировать ситуацию в «пограничье», устанавливая союзные отношения с местными правителями, которым предоставлялись определённые политические и военные гарантии, и добиваясь компромисса с Турцией и Персией.

Однако базовые условия для реализации такого подхода оказались весьма слабыми, что в конечном итоге завело политику «непрямого влияния» в тупик. Сама по себе конфигурация геополитического треугольника России—Турции—Персии, где каждый имел острые противоречия с соседом и не доверял друг другу, не располагала к достижению прочных договорённостей о каких-либо формах совместного контроля над регионом. Кроме того, российские власти не могли совладать с огромным количеством мелких локальных политических игроков, действовавших в «пограничье». Как справедливо отмечают авторы, «их лояльность была всегда неустойчивой»: лавируя между Россией, Турцией и Персией, они решали собственные политические и династические проблемы, захватывали территории соседей. В полной мере это относилось и к Восточной Грузии, которую Екатерина II и её политические советники надеялись сделать главным проводником российского влияния.

Анализ похода генерала Г. Тотлебена, планов кн. Г.А. Потёмкина по созданию закавказского «барьера», истории Георгиевского трактата 1783 г., русско-грузинских отношений 1790-х гг. и обстоятельств принятия Восточной Грузии в российское подданство недвусмысленно свидетельствует о том, что поворот «на Гюлистан» (т.е. к присоединению Закавказья и неизбежным войнам с Турцией и Персией, без которых нельзя было рассчитывать на признание новых границ) оказался для царского правительства вынужденным и в то же время назревшим шагом после всех испробованных и не оправдавших себя вариантов протекторатных отношений и союзов, отдельных военных рейдов и временного размещения ограниченных воинских контингентов. В условиях глубокой деградации системы власти и вооружённых сил Картли-Кахетинского царства и нависшей над ним угрозы со стороны Персии альтернатива его включению в состав империи фактически отсутствовала, тем более, что к этому призывали царь Георгий XII и его сторонники.

Политика «непрямого влияния» потерпела неудачу, но этот период не прошёл даром: складывались дружественные отношения с потенциальными союзниками России в Закавказье, был

приобретён большой опыт, гораздо глубже стало знание местной специфики. Принимая непростое решение о присоединении Каргли-Кахетии, в Петербурге уже понимали, что это должно повлечь за собой коренную перестройку внутреннего управления Грузии, удаление от власти царствующего дома и введение российской администрации.

Продолжая традиции Н.Ф. Дубровина и В.А. Потто, авторы внимательно рассматривают военные аспекты российского присутствия в Закавказье: поддержку союзников России, боевые действия против Турции, Персии и их вассалов. К сожалению, роль этих факторов при анализе внешней политики не всегда оценивается в должной мере. Между тем интересы стратегии, размещение и состояние войск, организация коммуникаций и управления, ход и результаты операций часто предопределяли те или иные политические шаги, устанавливали границы возможностей, с которыми приходилось считаться дипломатам и администраторам. Остаётся только пожелать, чтобы разделы, посвящённые войнам и последующим территориальным изменениям, сопровождались для наглядности картами и схемами.

Важным достоинством работы является анализ взглядов и деятельности основных фигур, которые участвовали в выработке политики, проводившейся в Закавказье. Перед читателем проходит галерея чиновников, дипломатов, военных, находившихся как в Петербурге, так и на Кавказе. Для успешных действий на отдалённой окраине большое значение имели качество информации, поступавшей в Петербург, и адекватность намеченных в столице указаний местным реалиям. Не менее важна была инициатива, умение добиваться цели со скромными силами и средствами, имевшимися на Кавказском театре. Не раз, благодаря смелым и решительным действиям военных и гражданских служащих, ситуация резко менялась в пользу России, но бывали и крупные промахи, главный из которых — недооценка опасности персидского вторжения и разгрома Тифлиса в 1795 г.

Конечно, не всё в книге представляется одинаково убедительным. Не понятно, зачем так подробно описывать действия России накануне и в ходе русско-турецких войн не только на Кавказском, но и на Балканском направлении. Бесспорно, что эти направления были взаимосвязаны, и читателю надо представлять, что происходило в то же время на других берегах Чёрного моря. Но для этого достаточно привести общие сведения и не стоит углубляться в специальное исследование. Во введении, правда, авторы сделали заявку на сравнительное изучение ситуации в Закавказье и на Балканах, парадоксально назвав их «непохожими близнецами» для русской политики. Однако для обоснования данного

тезиса необходимо подробно рассматривать российские проекты переустройства Балкан XVIII — начала XIX в., а это обширная тема со значительной литературой и корпусом источников, и такая задача по объёму и содержанию явно выходит за пределы рецензируемой работы.

Хотя с самой постановкой вопроса можно согласиться. Авторы справедливо отмечают, что при очевидных отличиях в положении России на Балканах и в Закавказье имелись общие черты. Балканы — это ещё один вариант «пограничья», находившегося на стыке трёх империй: Османской, Австрийской и Российской. Как и в Закавказье, Россия появилась там сравнительно поздно, в начале XVIII в., и значительно изменила баланс сил. На Балканах русское правительство также пыталось реализовывать (с относительным большим успехом, но стратегически неудачно) протекторатные модели влияния (Дунайские княжества, отчасти Сербия и Греция, после Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — Болгария). Значительная часть населения обоих регионов видела в России преемницу Византии и связывала с нею надежды на освобождение православного мира от иноземного угнетения.

Вместе с тем судьба того и другого «пограничья» сложилась по-разному: на Балканах начался распад османских владений и процесс формирования национальных государств, а Закавказье вошло в состав Российской империи. Пожалуй, важнейшую роль в этом играл уровень развития территорий, а также расклад внешних и внутренних сил в регионе. Если в Закавказье конфликты между Россией, Турцией и Персией носили по большей части прямолинейный характер, а культурное воздействие азиатских империй на местное христианское население было ограниченным, то вокруг самоопределения балканских народов шла сложная борьба с участием Англии, Австрии, Франции, впоследствии Германии, имевших значительное политическое и культурное влияние. Поэтому едва ли оправдана та резкость, с которой авторы упрекают русское правительство за недооценку в XIX в. значения образовательных и культурных факторов политики на Балканах. Следует признать, что там, в отличие от Закавказья, продвигать российское образование и культуру приходилось в условиях острой конкуренции с европейскими державами.

Авторы представили свою работу как научно-популярное издание. Они сосредоточились на тщательном анализе хода событий, чтобы создать картину, максимально соответствующую данным источников, которыми на сегодняшний день располагает наука. Это им вполне удалось, и вышедшая книга поможет всем, кто интересуется историей России, Кавказа и Закавказья, осмыслить прошлое, опираясь на знание фактов и реально-го исторического контекста событий.